

— Спасибо.

Бен положил ложку, опустошив миску, полную супа. Она дала самую большую миску в доме, но и она быстро опустела. В отличие от его миски, в миске Серсинии осталось больше половины супа. Она была не очень голодна, потому что уже позавтракала. Бен, съевший все багеты, все еще выглядел так, будто не наелся. Серсиния пододвинула к нему четыре кусочка своего багета.

— А, все в порядке.

Пока он говорил, Бен не мог оторвать глаз от багета. Должно быть, он никогда не ел как следует.

—Я сыт. Я не хочу объедков, так что помогите мне.

Серсиния постепенно узнавала Бена. Одной из его черт была нечестность.

— Ты все еще выглядишь голодным, так что ешь еще.

Он никогда так не ел. А Серсинии это было не важно. Ей было все равно, съест он все или выбросит. Потому что она понимала его положение. Возможно, неспособность требовать свое стала его привычкой во время порабощения. Бен попеременно смотрел то на багет, то на Серсинию. Она кивнула головой, давая разрешение. Бен посмотрел поочередно на багет и на Серсинию.

— Тогда... спасибо.

Он осторожно протянул руку и взял багет. Серсиния встала. Она заметила, что в кастрюле еще оставалось немного супа, когда она наливала суп раньше. Если он будет есть только багеты, этого будет недостаточно. Значит, ей придется принести еще супа. Держа его миску, которая была опустошена, она направилась к кастрюле, которая все еще стояла на огне. Супа в кастрюле осталось меньше половины от завтрака. «Хорошо, что он хорошо поел», – подумала она, ведь погода могла испортить этот день. Половником она выскребла кастрюлю до дна и поставила ее перед Беном.

— Ах, спасибо...

Его голос слегка дрожал, когда он говорил «спасибо». Бен посмотрел на тарелку супа, которая все еще стояла перед ним. Он был готов разрыдаться. Он даже не мог вспомнить, когда в последний раз ел такую горячую еду, как сегодня. Еда, которую ему иногда подавали, была черствым хлебом. Даже когда он ел его, он всегда был голоден, потому что этого было недостаточно. Живя без крыши, если шел дождь, он ел хлеб, пропитанный дождем, а если шел снег, он ел хлеб со снегом в качестве гарнира. Он даже схватился за живот от недостатка

пищи.

Бен поспешно зачерпнул суп и поднес его ко рту. Ему казалось, что он разрыдается, если не положит еду в рот прямо сейчас. От согревающей сердце пищи и уютной каюты у него заслезились глаза.

— Ешь медленно.

Серсиния села напротив него. Суп, который она сварила утром, видимо был немного пересолен, потому что ей пришлось варить его снова, но он поглощал суп и хлеб без единого слова. Она поняла, что значит быть сытым, просто наблюдая за тем, как он ест.

— Извини, я слишком много ем... – сказал Бен, опустив голову.

Он не хотел показывать Серсинии слезы, которые образовались вокруг его глаз.

— Я все равно должна была выбросить его сегодня, раз не смогла съесть все.

Она пожала плечами, как будто ей было все равно. Это было правдой, и она не хотела заставлять его волноваться во время еды. Она была немного рада, что перевоплотилась в Серсинию и впервые ела вместе, а не одна. Спустя долгое время теплая трапеза закончилась: Бен съел две миски супа и восемь кусков багета.

* * *

Шел третий день с тех пор, как Бен жил с ней.

— Я-я извиняюсь!

Каждое утро Серсинию встречал звук бьющейся посуды. Она вошла в кухню.

— Я же говорила тебе оставить все как есть.

Она уже даже не сердилась. Было много разбитых мисок. Прошло всего три дня с тех пор, как он поселился в этом доме, но Бен уже разбил четыре предмета посуды. Теперь было разбито пять.

— Хуу..., — глубоко вздохнула она.

Бен не выходил из комнаты. «Я просто хотел помочь...»

«Да, просто не шевелиться - тоже помогает». Дело было не в том, что она не знала его мыслей. Проблема была в том, чтобы убрать то, к чему он прикасался. Серсиния взяла совок и веник и направилась на кухню.

«Я-я сделаю это!» Она осторожно передала инструменты для уборки в руки Бена, который поспешил за ней. Было ясно, что если она не позволит ему даже убраться, то он будет чувствовать себя подавленным весь день. Бен очень переживал без работы. Он не был тем рабом, в которого играют дома аристократы. Он говорил, что его эксплуатировали для строительства и ремонта роскошных помещений аристократов.

Естественно, рабам, ставшим собственностью знати, не платили. Более того, многие рабы падали от недоедания, потому что не могли даже вовремя поесть. На стройке их называли «эй», «ты», «ой», «этот ублюдок», «тот ублюдок». И не было причин называть их по имени, потому что не было необходимости в имени.

Если ты даже немного замедлился, тебя били, а когда строительство заканчивалось, и рабочая сила не требовалась, их продавали обратно на невольничий рынок. Быстрая еда также была обусловлена привычкой того времени. Еду, которую давали время от времени, нужно было съедать, когда ее давали. Поэтому было принято есть много, пока еда еще была.

— Ах..., — услышав его короткий стон, Серсиния повернула голову.

Когда она протянула метлу, чтобы подмести разбитую тарелку, Бен держал кровоточащий палец.

— Что происходит? Ты в порядке?

Почему у него кровоточил палец, когда надо было просто подмести? Нет никого неряшливее этого мальчика. Она забеспокоилась и придвинулась ближе к Бену.

— Я-я прошу прощения...

Бен запаниковал и быстро спрятал кровоточащую руку за спину. Она пожалела, что не слышала его извинений хотя бы один день. Серсиния потеряла его пульсирующий лоб.

— Это ты пострадал, так почему ты извиняешься?

Извинения Бена были привычкой. Это было нелегко исправить, даже если бы она сказала, что ему не нужно извиняться. Серсиния взяла метлу из рук Бена. Если бы она позволила ему, то, скорее всего, его вторая рука тоже была бы в крови.

— Дай ее мне. Я сделаю это.

— Н-нет. Серсиния, я...!

— Бен, я сделаю это.

— Да, прости...

Бен отступил назад, опустив голову. Серсиния собрала разбросанные по полу осколки посуды. Она подмела пол еще раз, на случай, если Бен ударится о разбитый предмет, который она не смогла найти.

Бен был небрежен, когда его побуждало что-то делать. Она ценила его готовность помочь, но куда бы он ни пошел, звук трескающихся и ломающихся предметов всегда был с ним. Название «Минусовая рука» было самым подходящим для него словом.

Она бросила собранные осколки в мусорное ведро. Когда она стала убирать инструменты на место, Бен последовал за ней.

— Иди и присядь. Я позабочусь о тебе.

— Да...

Он сел на стул у стола, опустив плечи. Она тут же схватила коробку с лекарствами и села напротив Бена.

— Дай мне свою руку.

Бен осторожно протянул руку, которую прятал. Из длинного пореза на его указательном пальце текла темно-красная кровь. Она взяла его руку для лечения. Затем Бен вздрогнул и задрожал. Это его особенность -- вздрагивать и дрожать, поэтому Серсиния не стала возражать и втерла дезинфицирующее средство в его руки.

— Ух... Жжет, да?

Она не знала, почему почувствовала жжение, когда увидела, как дезинфицирующее средство проникает между открытой плотью. Серсиния нахмурилась и продезинфицировала его рану.

— Нет, я в порядке. Прости, Серсиния...

Бен уставился на нее, пока она все еще обрабатывала его раны. Кожа с тенями под ресницами была не белой, а переливалась до прозрачности. Ее красные губы, слегка приоткрытые от сосредоточенности, выглядели толстыми и желанными. Ее длинные рыжие волосы выглядели

достаточно мягкими, чтобы рассеиваться между пальцами. По всем признакам она была прекрасным человеком. Может быть, именно поэтому он продолжал делать ошибки всякий раз, когда стоял рядом с Серсинией. Он хотел показать, как хорошо у него получается, но он не знал, почему продолжал нервничать, когда она была рядом с ним.

«Хаа...» Бен тихо вздохнул внутри себя. Он хотел помочь ей, но был расстроен, что все получилось не так хорошо, как он думал.

— Просто нанеси лекарство, и все готово.

После дезинфекции Серсиния осторожно наносила лекарство, чтобы обработать рану. Ресницы Бена затрепетали от прикосновения ее руки, которая щекотала его сердце. Ему стало тепло на душе от того, что она сосредоточилась только на его ране и лечила его. Это был первый раз в его жизни. Человек, который беспокоился о его ране, как будто это была его рана.

Тепло, которое он почувствовал впервые, потрясло его сердце, которое колотилось несколько раз в день. Ее руки всегда были теплыми. Ее глаза и руки были такими теплыми, что ему казалось, что он вот-вот заплачет. Она была как луч солнца в его жизни, полной отчаяния.

Серсиния подула на его рану, чтобы дезинфицирующее средство хорошо проникло внутрь. Бен пошевелил рукой: кончики пальцев покалывало, когда ее дыхание касалось его кожи.

— Почему? Это больно?

— Н-нет. Ничего.

Бен ответил, размахивая руками. Вопреки своим словам, он почувствовал, как по всему телу поднимается жар, и кровь быстро циркулирует. Лицо Бена было слегка искажено неизвестными симптомами. Серсиния посмотрела на покрасневшую щеку Бена и подумала, что это просто оттого, что рану жжет. Лечение было завершено, и пластырь был аккуратно прикреплен.

— Спасибо, правда.

Бен бросился к ящику с пустой коробкой из-под лекарств. Ему нужно было немного охладить жар. Серсиния уставилась на спину Бена, как будто он бежал со своего места.

«Что-то изменилось...»